

ЖИЗНЬ МУЗЫКИ И

В конце 70-х – начале 80-х годов прошлого века на свинцовом небосклоне советской музыки возникло странное пятно под названием трио Ганелин–Чекасин–Тарасов. Для удобства его числили по ведомству джаза, который к тому времени решено было считать достойным новой исторической общности. Жили музыканты в Вильнюсе, на конвертах выпускаемых там пластинок значилось: «Ganelinas–Čekasinas–Tarasovas», что придавало явлению некий иностранный привкус. На Западе трио действительно было признано больше, чем у нас, но это только добавляло энтузиазма почитателям нетрадиционной музыки.

Теперь музыканты стали «не нашими»: Ганелин живет в Израиле, Чекасин и Тарасов – граждане Литвы. Благо что с возникновением новых государственных границ исчезли границы в музыке. С Вячеславом Ганелиным и Владимиром Тарасовым обозревателю «НГ» Сергею Шаповалу удалось пообщаться на недавнем фестивале импровизационной музыки, прошедшем в усадьбе «Архангельское».

Вячеслав Ганелин: «Сложной музыки не бывает»

– Вячеслав, хочу вернуться к уже давнему событию – вашей эмиграции. Почему вы уехали?

– Я всегда считал, что в условиях свободы люди объединяются, потому что получают возможность делать то, что они хотят. Но как только в Советском Союзе были позволены послабления, появились общество «Память» и ему подобные организации, начался поиск виновных во всех бедах. Ими оказались евреи. Я понял, что находиться в такой стране не имеет для меня никакого смысла.

– А в советские времена вы не ощущали антисемитизма?

– Я знал, что он есть, но лично не сталкивался. И вдруг евреям предъявляют счет за все, включая убийство Иисуса Христа, хотя даже Папа Римский признал, что его убили римляне! Меня это возмущает, потому что обвинения против Сталина или Гитлера не являются обвинениями против народов. Иисус проповедовал не в Европе, а в Израиле, в общем-то, это израильская проблема. Почему нужно ненавидеть евреев?

– Вы резко поменяли свою жизнь, вам легко удалось прижиться в новых условиях?

– Конечно, это было нелегко. Человек не может до конца отринуть то, к чему привык с детства. Но в принципе там я себя чувствую очень хорошо. У меня есть ощущение, что я на месте. Это очень важно. Я понял, что дружбы народов не существует. Развалился Советский Союз, распалась Югославия, это сопровождалось настоящим кошмаром. Где тот бог, который смог бы все поставить на место?

– Чем вы занимаетесь в Израиле?

– Я работаю в Иерусалиме в музыкальной академии, это аналог консерватории. Преподаю на джазовом отделении композицию, музыку кино и игру на фортепиано. По-прежнему пишу музыку, концертирую, выпускаю диски.

– Сейчас вы выступаете чаще, чем в былые времена?

– Примерно одинаково. Наше трио никогда не выступало много, такую музыку невозможно играть каждый день. Экспрессия должна накапливаться.

– Вы недавно сказали, что не считаете свою музыку сложной и можете объяснить любому человеку, как надо слушать музыку. Объясните.

– Я действительно не считаю свою музыку сложной. В ней содержатся все узнаваемые элементы, если человек их знает,

кое же, как и у классической. В музыке существуют разные языки, разные направления, но суть ее одинакова. Даже самая невероятная электронная музыка, в которой нет мелодии, начинается со звука, который развивается во времени и замедляется. Если у человека есть интерес и желание проникнуть в суть, все получится. По большому счету это просто.

– Виктор Шкловский рассматривал художественную структуру как «пытку задер-

ей точки зрения, неправильно. За этим стоит незаинтересованность и нежелание войти в непонятный мир.

– Вы можете описать состояние, в котором сочиняете музыку?

– Это очень трудно сделать, если вообще возможно. В этом есть своя прелесть. Иногда возникает некое метафизическое ощущение, что это делаешь не ты. Ты в этом процессе ведомый. Работают и сознание, и подсознание, которые друг другу помогают.

– Вы верите во вдохновение?

– Я не знаю, что это такое. Я не верю людям, говорящим: у меня нет вдохновения – я не могу ничего сделать. Чайковский каждый день писал по шесть часов, Стравинский – по три. Каждый день! Я думаю, вдохновение – это пик определенного состояния, но оно может быть лишь дополнением к постоянному процессу.

– У вас есть потребность в слушании музыки?

– По возможности я ее слушаю все время. Мне интересна любая музыка. Направление и стиль не играют роли, главное, чтобы это было интересно сделано. Как-то я ехал ночью в машине, включил приемник, в это время многие станции крутят транс. Я слушал вещь, длившуюся сорок минут, не мог оторваться. Так все было продумано, все ходы так изменялись и возвращались, что эта логика вполне достойна сравнения с симфонической.

– А к своим ранним вещам вы возвращаетесь?

– Нет. Я могу что-то услышать случайно. Иногда хвалю себя за какой-то фрагмент, но в основном я недоволен. Чаще всего вижу, что можно было сделать лучше. Такой у меня характер.

– Помимо музыкальных, какие еще источники имеет ваше сочинительство?

– Главный источник – сама жизнь. В жизни есть все: и радостное, и трагическое, и оптимистическое, и пессимистическое. Музыка фиксирует все разнообразие состояний. ■

У самой абстрактной музыки строение такое же, как и у классической

он все услышит. Музыка построена так же, как и человеческая жизнь: она чем-то начинается, развивается и в какой-то момент заканчивается. Она содержит тему, иногда две или три контрастирующие темы. Нужно уметь слушать не сочетание звуков вообще, а выделить музыкальное зерно. Расслышав его, ты увидишь, как оно видоизменяется. Композиторы выстраивают драматические соединения и распады, но это всегда делается на базе определенного материала. Человеческая жизнь вмещает в себя становление, открытия, радости, трагедии, но главной темой является человек. Наблюдая за ним в произведении искусства, мы видим изменения, происходящие с ним. В кино и литературе это проще, в музыке нужно выделить главный материал и наблюдать за его изменением. Это очень интересно, нужно элементарно тренироваться. У меня был приятель, который мне говорил: «Я понимаю Моцарта, Бетховена, Чайковского, а Шостаковича не понимаю». Я ему отвечал: «Ты не понимаешь ни Моцарта, ни Бетховена, ни Чайковского!» У самой абстрактной музыки строение та-

ким наслаждением». Эту структуру, говорил он, можно понять по модели полового акта: «способ пережить деланные вещи, не озабочивающийся результатом». Мне кажется, к музыке это относится в полной мере.

– Верно. В музыке присутствует сильный сексуальный момент. Нет прямолинейной физиологии, она преобразуется в эфемерную структуру. Музыка – это психофизическое состояние.

– А что значит музыка для вас?

– Она вмещает в себя и представление о жизни, и философию. К тому же музыка позволяет уходить в другой мир, который нельзя, да и не нужно, фиксировать в слове.

– Вы разделяете точку зрения, что музыка – высшее из искусств?

– Да. Это самое абстрактное искусство. Что такое звук? Известно, что это некое колебание. Но это явно недостаточное объяснение. Уровень абстракции многих пугает, тогда появляется критерий: если я не могу эту музыку спеть, я ее не понимаю. На этом основании происходит отторжение, что, с мо-



Вячеслав Ганелин, Владимир Тарасов и Владимир Чекасин. Так есть. 2002 г.

Фото из архива Владимира Тарасова